

«ЖРИЦЫ ЛЮБВИ» В ГОРОДАХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе широкого круга источников рассматривается развитие проституции в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. Показано, что в этот период проституция становится привычным элементом социальной жизни.

Ключевые слова: города, Енисейская губерния, социальная аномалия, проститутки, проституция.

В последние годы в отечественной историографии усилился интерес к изучению истории социальных аномалий в дореволюционной России. Советские историки не занимались исследованием данной проблематики, исключением стала вышедшая в 1989 г. статья Г. А. Бордюгова [1989]. Он поднял проблему социальных отклонений (алкоголизм, нищенство, проституция и бродяжничество) и борьбы с ними в советском обществе в 1920–1930-е гг. Автор справедливо заметил, что в отечественной историографии слабо представлены структура, динамика и география социальных аномалий, а также причины и механизмы нарушения социальных норм [Там же. С. 73]. В постсоветский период исследователи обратили внимание на феномен нестандартного поведения (пьянство, преступность, проституция) в российском обществе. Проституция как одна из форм социально отклоняющегося поведения вызвала интерес и дискуссии у социологов, историков, культурологов, правоведов, сексологов. И. А. Голосенко, используя работы дореволюционных авторов о феномене проституции, в краткой форме выявил причины, структуру, формы организации данного вида промысла в России во второй половине XIX – начале XX в. [Голосенко, Голод, 1998].

Для современных историков остается актуальной проблема социальных отклонений

в повседневной жизни общества. Ряд работ посвящен истории проституции в столичных и провинциальных городах царской России (см.: [Лебина, Шкаровский, 1994; Ильюхов, 2008; Мартыненко, 2006; 2010] и др.). Основой исследования Н. В. Лебиной и М. В. Шкаровского стала проблема взаимоотношения общества и падших женщин. Авторы изучили динамику изменения взаимоотношения и ее связь с политической и экономической конъюнктурой. В русле повседневности Л. Жукова рассмотрела социально-психологическую сторону женской проституции на рубеже XIX–XX вв., сосредоточившись на внутреннем мире проститутки. Одним из источников исследования стали записки и личные дневники падших женщин [Жукова, 1997].

В последние годы вышел ряд трудов, посвященных изучению некоторых форм отклоняющегося поведения на материалах определенных регионов [Зоткина, 2002; Быкова, 2004; Панин, 2005; Тютюник, 2005]. Н. А. Зоткина в диссертационном исследовании на основе историко-антропологического анализа рассмотрела феномен девиантного поведения в повседневной жизни горожан Пензенской губернии [2002]. По наблюдениям А. Г. Быковой, проституция в городах Западной Сибири имела ряд особенностей. Во-первых, продолжительность занятия «профессией» была гораздо больше,

чем в столичных городах. Во-вторых, вместо врачебно-полицейских кабинетов надзор за женщинами аморального поведения осуществляли полицейские чины [2004. С. 85].

Исследование девиантного поведения в рамках историко-антропологического подхода является одним из популярных направлений социальной истории в западной историографии. Особый интерес у иностранных ученых вызывает исследование социальных отклонений в имперской России. В зарубежной историографии наиболее заметными по данной проблематике стали работы Л. Бернштейна [Bernstein, 1990], Л. Энгельштейн [Engelstein, 1992] и Б. Энгель [Engel, 1994]. Причиной, функционированию и развитию проституции в России во второй половине XIX – начале XX в. уделила специалист «женской истории» Б. Энгель. На основе широкой источниковой базы она привела разнообразные примеры и исследовала различные аспекты женской проституции. Интерес представляет вывод автора о том, что проститутками становились женщины из неполных семей или вообще не имевшие родителей. По мнению Б. Энгель, именно российская патриархальная семья, а не государство являлась основой социального контроля в обществе [Ibid. P. 197].

Таким образом, основная масса работ посвящена крупным городам России и Сибири, тогда как отдельно взятым регионам не уделено должного внимания. Для получения целостной картины истории развития социальных аномалий в российском обществе необходимо исследовать некоторые аспекты данной проблематики в провинциальных российских городах. Именно в провинции нагляднее и острее проявлялись последствия социальных отклонений при отсутствии форм и методов социального контроля. Целью статьи является попытка рассмотреть функционирование и развитие такого явления, как проституция в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Женщины, занимавшиеся проституцией, как официально (в домах свиданий и терпимости), так и неофициально, относились к деклассированным элементам общества. По мнению Б. А. Энгель, в городах России во второй половине XIX в. и до начала Первой мировой войны тайная и явная проституция как непостоянная профессия получила широкое распространение [Ibid. P. 166]. С 1844 г.

в России был введен медико-полицейский надзор за проституцией. Публичные дома и проститутки находились под контролем специально создаваемых врачебно-полицейских комитетов. Эти комитеты при участии исполнительной полиции и помощи действовавших в их подчинении участковых смотрителей должны были следить за тайной проституцией, разоблачать тайные притоны и подчинять их медико-полицейскому надзору. В тех городах, где отсутствовали врачебно-полицейские комитеты, действовали «проституционные столы» или другие специально созданные органы при полиции [Быкова, 1997. С. 118]. Еженедельно проституток осматривал городской врач. Осмотры производились, прежде всего, с целью ограничения распространения венерических заболеваний и определения «годности товара к употреблению». В случае заражения сифилисом, проституток немедленно отправляли на лечение в городскую больницу. После официальной регистрации публичные женщины должны были иметь медицинскую карточку («желтый билет») о состоянии здоровья. Этот «желтый билет» являлся основным документом, удостоверяющим личность. Когда проститутки отлучались из дома, им полагалось предоставить его. Занимавшиеся проституцией женщины могли сменить место жительства только с ведома полицейского управления¹.

Если официально зарегистрированные публичные женщины обязывались проходить временное освидетельствование, то от медико-полицейского надзора ускользали тайные проститутки. Они становились основным рассадником венерических заболеваний. В Енисейской губернии проституция получила развитие в 1850-е гг. в период «золотой лихорадки», оказавшей развращающее влияние на жизнь местного общества. М. Ф. Кривошапкин писал: «...здесь девушки с 14 лет знают вино и готовы на все; неизбежным же следствием такой жизни служит большое развитие сифилиса, тем более, что здесь нет публичных домов и все делается украдкой» [1865. С. 215]. Среди местного населения широкое распространение получили венерические заболевания. В 1880 г. в губернии было зарегистрировано 1 094 чел., зараженных сифилисом². Боль-

¹ ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 139. Л. 6 об.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 303. Л. 22.

шинство таких больных поступали в больницы с вторичной и третичной формами болезни и редко с первичной. Таким образом, они скрывали или, возможно, не знали о своей болезни. Мужчины, зараженные «постыдной болезнью», ускользали от медицинского наблюдения³.

В российских городах действовали утвержденные в 1874 г. министром внутренних дел А. Е. Тимошенко «Правила содержательницам борделей и публичным женщинам». Повсеместно по стране господствующим мнением по отношению к организованной проституции при всей ее безнравственности стал постулат – «что нельзя искоренить, нужно поставить под контроль, тем более, если “зло” достаточно четко регламентировано» [Иванов, 1999. С. 74]. Как правило, публичные дома открывались и закрывались помимо воли городского самоуправления. Только полицейское управление могло разрешить открытие публичного дома [Быкова, 2004. С. 26]. В 1870-е гг. в Енисейской губернии публичные дома имелись в Красноярске и Енисейске⁴. Постепенно сеть публичных домов в городах Енисейской губернии расширялась. В 1889 г. в Енисейске было 5 публичных домов, в Красноярске – 3, в Канске – 1. К этому времени согласно статистике в приенисейских городах насчитывались 54 проститутки, из них 37 находились в домах терпимости, 17 – одиночки⁵. Позднее количество публичных домов и проституток в приенисейских городах увеличивалось. К 1908 г. в одном только Красноярске насчитывалось 115 проституток и 9 домов терпимости [Мешалкин, 2005. С. 9]. В то же время количество «жриц любви» было непостоянным, оно менялось почти еженедельно. На смену одним проституткам приходили другие. В Красноярске проституцией занимались в основном сельские жительницы. Во время сельскохозяйственных работ они отправлялись в деревни, немногие из них возвращались обратно в город. Красноярский полицмейстер неоднократно сообщал в рапортах енисейскому губернатору, что количество проституток меняется еженедельно. Содержатели домов терпимости давали произвольную информа-

цию о числе проституток⁶. Нельзя не отметить и то, что в публичных домах быстрый отсев и обновление состава бордельных проституток происходили из-за увядания и изношенности «товара» [Зоткина, 2003. С. 51].

В основном дома терпимости принадлежали представителям мещанского сословия. Например, в 1896 г. в Красноярске из 6 таких заведений 5 принадлежало мещанам и 1 – крестьянке. Все дома терпимости в губернском центре находились по Садовой улице⁷. По данным статистики, в 1889 г. содержательницы домов терпимости по возрасту относились к группам от 30 до 35 лет (4 чел.), от 36 до 40 лет (6 чел.) и от 40 до 50 лет (2 чел.). По семейному положению они были в основном замужними женщинами (8 из 12 чел.). Проститутки публичных домов по возрастным группам распределились следующим образом: от 16 до 18 лет – 11 чел., от 18 до 20 лет – 10, от 20 до 25 лет – 13, от 25 до 30 лет – 3 чел. Основная масса проституток-одиночек также приходилась на возраст до 25 лет: от 16 до 18 лет – 4 чел., от 18 до 20 лет – 6, от 20 до 25 лет – 5, от 25 до 30 лет – 2 чел. Средний возраст проституток публичных домов в Красноярске составлял 20 лет, в Енисейске – 20, в Канске – 17. Проституткам-одиночкам также в среднем было по 20 лет. В целом по Сибири проститутки (до 25 лет) составляли 86,5 %, одиночки – 74,4 %. Значительное преобладание молодых проституток в домах терпимости объясняется несколькими причинами. Во-первых, содержательницы публичных домов из коммерческих соображений предпочитали молодых женщин, на них был больше спрос со стороны посетителей. Во-вторых, у молодых проституток не было ни материальных средств, ни жизненного опыта. Основную массу проституток в домах терпимости составляли русские (35 чел., 94,6 %). В городах Западной Сибири среди публичных женщин также доминировали русские (93,9 %). Кроме русских в домах терпимости были 2 еврейки. Среди проституток-одиночек все были русские (17 чел.). По сословному составу большинство «жриц любви» являлись крестьянками. Так, например, в 1889 г. в публичных домах из 37 проституток было 25 крестьянок, 10 мещанок,

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 322. Л. 41 об.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ Статистика Российской империи. Проституция Российской империи по обследованию на 1 августа 1890 г. СПб., 1890. С. 34–35.

⁶ ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 139. Л. 19.

⁷ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 182. Л. 41.

2 (не указано), из 17 одиночек: 12 крестьянок, 3 мещанки и 2 (не указано)⁸. В 1908 г. в Красноярске из 63 проституток 47 (74,6 %) являлись крестьянками⁹. Таким образом, подавляющее большинство проституток составляли приехавшие в город за лучшей долей крестьянки. Из них некоторые приезжали временно, а другие прочно закреплялись в городе. Бедные мигрантки не могли найти постоянную работу, или на получаемое ими жалование невозможно было прожить. Не сумевшие приспособиться к жизненным условиям молодые особы становились публичными женщинами. Ряды «падших женщин» в сибирских городах существенно пополнились к 1910 г., что было связано с проведением Столыпинской аграрной реформы и новой волной переселенческого движения [Быкова, 2000. С. 64]. Б. И. Бентовин отметил, что «ошибочно было бы думать, что большинство жертв заманиваются в дома терпимости обманом, под предлогом найма на службу горничной, компаньонки и т. д. Большинство туда идут, хотя с отчаяния, но вполне сознательно, понимая, куда и зачем они идут» [Бентовин, 1909. С. 23].

Городские власти устанавливали ежегодный налог для владельцев публичных домов. Увеличение налога приводило к сокращению количества публичных домов и способствовало росту тайной проституции. В 1892 г. Красноярская городская дума установила ежегодный налог для владельцев публичных домов. Они обязывались платить 150 руб. в год. В дальнейшем произошло сокращение количества публичных домов с восьми до двух, интенсивное развитие получила тайная проституция. В 1895 г. городская дума была вынуждена снизить ежегодный налог до 50 руб.¹⁰

Нередко публичные женщины нарушали предписанные правила и не являлись на осмотр к врачу. Так, например, в 1892 г. городской врач Красноярска доносил врачебной управе, что он производит тщательно осмотр лиц, занимающихся проституцией, но на освидетельствование еженедельно являлось не более 17 проституток из домов

терпимости и одиночек. На самом деле число публичных женщин было гораздо больше. Врачебная управа обратилась к генерал-губернатору, чтобы он распорядился о тщательной проверке женщин, промышлявших продажей тела, и обязал их к еженедельной явке освидетельствования у городского врача¹¹. Исследователи заметили, что освидетельствование проституток производилось с массой неудобств, в унижительных и антигигиенических условиях [Зоткина, 2003. С. 51]. Женщины неохотно отправлялись на осмотр и стремились избежать унижавшего их освидетельствования. Часто они осматривались врачом в арестантских помещениях при полицейских участках, ночлежных домах, покойницких и т. д.

Как правило, проститутки владели нищенским существованием. Падшие женщины либо находились у хозяйки на «хлебах», либо жили самостоятельно в «дешевках». Условия их жизни были следующие: они платили за стол и кров, при этом забирали себе половину заработка, в случае, если расплачиваться было нечем (чаще всего), то за скудное питание и жилье приходилось все заработанное отдавать хозяйке [Дегальцева, 2005. С. 83]. Оплата услуг проституток зависела от категории дома терпимости и региональных особенностей. По сравнению с другими городами Сибири плата за услуги проституток в Енисейской губернии была дешевле. Например, в 1889 г. в Енисейской губернии проститутка в среднем получала от клиента 1 руб., тогда как в Тобольской – 2, в Иркутской – 2, в Забайкалье – 3 руб. В целом в городах Енисейской губернии средние цены услуг проституток были следующие: «на время» – 50 коп., на ночь – от 2 до 3 руб.¹² По сравнению с уездными городами Енисейской губернии услуги красноярских проституток стоили гораздо дороже. В Красноярске плата с посетителей «на время» составляла 1 руб., на ночь – от 5 до 10 руб. Плату вносили вперед хозяйке, последняя в конце ночи или на следующий день выдавала проститутке талоны. Хозяйка и проститутка получали по 50 % с оплаты посетителей. Когда проститутке нужно было выехать за пределы города, ей выдавалось временное свидетельство на жительство или паспорт. В случае если женщина

⁸ Статистика Российской империи... С. 27, 30–31, 34–35, 38–39, 56–57.

⁹ Долодovich О. М. Женская проституция в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. URL: <http://sib-subethnos.narod.ru>p2008/dolidovich08.doc> (дата обращения 25.08.2012).

¹⁰ Енисей. 1895. 20 сент.

¹¹ ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 139. Л. 17.

¹² Статистика Российской империи... С. 6–7.

желала оставить «промысловое занятие», она писала заявление на имя полицмейстера. В течение шести месяцев за женщиной устанавливалось наблюдение. Как только замечали, что она возвращалась к занятию проституцией, ее арестовывали и отправляли в полицейский участок [Быкова, 1997. С. 123].

Наряду с явной проституцией существовали тайные притоны. В местной прессе широкое освещение получили вопросы распространения тайной проституции в приенисейских городах. Журналист газеты «Енисей» обрисовал обстановку этого дела в Красноярске: «В различных частях города открываются портерные с преобладанием в них женской прислуги. На самом деле они промышляют постыдным заработком, однако доказать это было затруднительно. Только ныне удалось, наконец, осветить дело, благодаря военным врачам. За последнее время среди солдат батальона было замечено увеличение числа заразных сифилисом. При опросе большинство указывали на портерные. Для того чтобы еще более основательно убедиться в существующем факте, врачи командировали несколько служащих при лазарете в разные портерные для сбора сведений. Командированные лица все выяснили, разузнали и дали врачам подробный отчет, где и сколько содержится благородных девушек, и какую они играют роль при портерных»¹³.

Многие хозяева портерных или пивных лавок имели в своем заведении специально отведенное место для встреч, т. е. тайный притон. Обычно подобные притоны становились рассадником заразы, проститутки скрывались от полицейского и медицинского контроля. Часто девицы легкого поведения назывались швеями, портнихами, стряпками, няньками или родственницами владельцев пивных лавок. Они с возмущением выговаривали прибывшим в притон работникам полиции: «Как вам не стыдно являться в квартиру честных девушек»¹⁴. Газета «Енисейская мысль» писала о подобных рассадниках разврата: «Неоднократно приходится слышать жалобы обывателей, пивные и частные дома, являвшиеся на самом деле тайными притонами, работают круглосуточно. Некоторые из них находятся

неподалеку от школ, и учащиеся, проходя мимо, становятся свидетелями пения, ругани и непристойных разговоров дам полусвета»¹⁵. В Красноярске в дневное время на Театральной площади около двора Лякера обычно можно было встретить двух-четырех девушек, которые зазывали: «Пожалуйте к нам, 30 копеек за час», и т. п. В этом дворе производилась продажа пива и вина, а также предлагались услуги тайных проститутки¹⁶. В целом тайная проституция получила широкое распространение в городах. Если дома терпимости подлежали контролю со стороны полицейского и санитарного контроля, то тайная проституция являлась основным источником венерических заболеваний.

Местные власти и общественность пытались бороться с тайной проституцией. В 1896 г. санитарный комитет Красноярска, куда входили городской голова, полицмейстер, городской санитарный врач и другие врачи, заявил о принятии мер борьбы с «рассадником заразы» – тайной проституцией. Предполагалось, прежде всего, принудить к лечению заболевших венерическими болезнями проститутки, при этом лечение должно было производиться бесплатно. Члены комитета поставили вопрос о привлечении к уголовной ответственности содержателей тайных притонов. Санитарный комитет рекомендовал городской думе отводить домам терпимости отдельные улицы и по возможности концентрировать данные заведения, не допускать их открытия в центре города. Владельцы домов терпимости не должны были насильно удерживать женщин и привлекать несовершеннолетних к занятию проституцией¹⁷. В борьбе с тайной проституцией принимались решительные меры. Например, в 1912 г. в Красноярске супругов Андреевых, устроивших в своем доме в Николаевской слободе тайный притон, привлекли к уголовной ответственности¹⁸.

В начале XX в. в приенисейских городах также имела место детская проституция. Как правило, проституцией занимались социально незащищенные дети: сироты, дети алкоголиков, беспризорники, незаконнорожденные. Судьба любой девочки-проститут-

¹³ Енисей. 1895. 15 окт.

¹⁴ Там же. 6 сент.

¹⁵ Енисейская мысль. 1913. 28 мая.

¹⁶ Енисей. 1905. 5 июня.

¹⁷ Там же. 1896. 12 июня.

¹⁸ Красноярский голос. 1912. 6 дек.

ки складывалась трагически. По наблюдениям Н. К. Мартыненко, «если за 3–4 года специфического труда ребенок не хирел окончательно и не умирал на больничной койке, он переходил в разряд бланковых или билетных проституток, а на его место сутенеры находили новых малолеток» [Мартыненко, 2010. С. 46]. Занятие проституцией было рискованным и даже опасным делом, нередко публичные женщины подвергались нападению со стороны клиентов. Проституция была связана с местной преступностью. В тайных притонах скрывались мошенники или сбывались краденые вещи. Публичный дом был небезопасным местом для клиентов.

Общественное отношение к публичным женщинам не было однозначным. Они могли вызвать у публики такие чувства, как терпимость, жалость, сострадание, так и осуждение, презрение, отвращение, ненависть. Общеизвестно, что основная масса общества пренебрежительно и брезгливо относится к женщинам, которые торгуют своими телами. Считалось, что эти развратные особы ленивы, не способны трудиться и вести приличный образ жизни. Отношение к проституткам выразила местная газета «Енисей»: «На днях куча подростков, преимущественно учеников местных школ, бросала навозом и льдинками в “этих дам”, возвращавшихся с осмотра. Тягостное впечатление производит эта излишняя веселость детей, глумящихся над жертвами темперамента своих отцов»¹⁹. Со стороны обывателей неоднократно поступали жалобы на вульгарное поведение и распущенность падших женщин. В пивных и частных домах, представлявших тайные притоны, которые нередко находились недалеко от учебных заведений, можно было услышать пение, ругань и непристойные разговоры дам «полусвета»²⁰.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в городах Енисейской губернии, как и в других российских городах, такая форма отклоняющегося поведения, как проституция стала привычным элементом социального строя. С ростом численности городского населения происходило увеличение домов терпимости и лиц, вовлеченных в промысел разврата. Социальная неустроен-

ность и неумение адаптироваться в новой среде вынуждали некоторых женщин становиться «жрицами любви». Наряду с легальной проституцией набирала обороты тайная проституция, что соответственно вызывало тревогу со стороны общественности.

Список литературы

Бентовин Б. И. Торгующая телом. Очерки современной проституции. СПб., 1909. 234 с.

Бордюгов Г. А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 60–73.

Быкова А. Г. «Древнейшая профессия» в истории сибирских городов (конец XIX – начало XX в.) // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 113–126.

Быкова А. Г. Проституция в городах Западной Сибири (1880-е – 1917 г.) // Социс. 2000. № 5. С. 59–65.

Быкова А. Г. Социальные аномалии в истории больших городов Западной Сибири. 1880–1914 гг. Омск, 2004. 96 с.

Голосенко И. А., Голод С. И. Социологические исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. СПб., 1998. 128 с.

Дегальцева Е. А. Повседневный быт населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вопр. истории. 2005. № 10. С. 75–86.

Жукова Л. Девочку взяла мадам... Жизнь проституток сто лет назад // Родина. 1997. № 6. С. 59–63.

Зоткина Н. А. «Униженные и оскорбленные»: быт проституток в борделях провинциальной России (конец XIX – начало XX в.) // Женская повседневность в России в XVIII–XX вв. Тамбов, 2003. С. 48–54.

Зоткина Н. А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни Российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии). Пенза, 2002. 374 с.

Иванов Ю. А. «Бордельный промысел» в русской провинции конца XIX – начала XX в. // История российского быта. СПб., 1999. С. 73–75.

Ильхов А. А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. 558 с.

¹⁹ Енисей. 1902. 13 янв.

²⁰ Енисейская мысль. 1913. 28 мая.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1. 378 с.

Лебина Н. В., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX – 40-е гг. XX в.). М., 1994. 224 с.

Мартыненко Н. К. Российское общество защиты женщин в борьбе с проституцией. Тольятти, 2006. 163 с.

Мартыненко Н. К. Регламентация проституции в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Воронеж, 2010. 180 с.

Мешалкин П. Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX вв.). Красноярск, 2005. 108 с.

Панин С. Е. Повседневная жизнь советских городов – пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-х гг. (на материалах Пензенской губернии). Пенза, 2005. 203 с.

Тютюнник В. В. Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Хабаровск, 2005. 175 с.

Bernstein L. Yellow Tickets and State-Licensed Brothels: The Tsarist Government and the Regulation of Urban Prostitution // Health and Society in the Revolutionary Russia. Bloomington, 1990. P. 45–54.

Engel B. A. Between the Fields and the City. Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994. 254 p.

Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia. Ithaca; L., 1992. 461 p.

Материал поступил в редколлегию 22.04.2013

T. A. Kiskidosova

«PRIESTESSES OF LOVE» IN THE CITIES OF THE YENISEI PROVINCE IN THE END OF XIX – EARLY XX CENTURIES

On the basis of a wide range of sources the article deals with the development of prostitution in the cities of the Yenisei province in the end of XIX – early XX century. It is shown that in this period, prostitution becomes an usual element of the social system.

Keywords: city, Yenisei Province, social anomaly, prostitute, prostitution.